

Инна Квасивка

Не тревожь

Пуповина

Я тебя – возлюбленного прежнего –
искупила чревом навсегда.
Вот кораблик губ твоих, и режутся
зубы – что ракушки. И вода
тоненьких волос течет размеренно
по твоей песочной голове.
Я тебе тогдашнему поверила,
каждой мышцей веры отболев.
Нынче я у ног твоих младенческих,
ты опять у сердца моего –
пуповиной намертво обвенчаны
и омыты первым молоком.
С карусельных рук сползая, вертишься
и жуешь губами «ма-ма-ма...»
обреченный мной же на бессмертие
в той, кто нас не делит пополам.

Колокола

Не тревожь, звонарь, колокола.
Бьет огонь во все края, но вовсе
не его священная зола
делает из нас седоволосых.

Пусть мы – одомашненная дичь,
заживо проглоченная печью, –
не она терзает нас, почти
обращая на черносердечных.
Отбели, пастух, своих овец.
Обели прикормленного волка –
чрево есть начало и конец
в колокольне ребер пустозвонких.
Мы сгорим, и ляжет на алтарь
под хозяйской ласковой ладонью
агнец опороченный.
Звонарь
медью душ звериных затрезвонит.

* * *

Как бы слабо сердце ни стучало –
это (вопреки первопричине)
не конец и даже не начало
твоего пути, пока не кинут
на спину последний вьюк.
Ручаюсь –
лучше быть верблюдом,
чем пустыней,
корольком под крыльями орла,
нежели раздетой догола
взятой и униженной вершиной.

Долготерпящая

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует,
любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде,
а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется...»

(1Кор. 13:5-7)

...но когда во мне умирает Бог –
я по меркам Бога живого – гроб
окрашенный.
От лукавой веры тщеславолюсь «гоп!» –
не умея прыгать, роняю лоб
на таких же ряженных.

Та, которой должно не мыслить зла,
бабочку ладони вдруг загнала
в кулак навечно.
Сбился комом в горле сынок, о ком
мать сбывалась памятью над венком
в черный вечер.

* * *

В хату бабы Верочки лезет сук,
среди пышных веточек гол и сук
сыночка.
Отчего ты, бабушка, плачешь в тишь,
что к мальчонке бабочкой прилетишь?

Ночка ниточкой
проскользнула в форточку, что в иглу –

мрачной гладью вышита тьма в углу,
шутка ли?
Ты, седая детка, в тени угла,
где портреты метит смерть, не гуляй
сутками.

* * *

Долготерпящая, еще терпи!
Безнадежна ты, и твой лик тернист
от безверия.
Ты во мне, любовь, – сухостой в степи,
по ночам скулит на твоей цепи
мертвый зверем.

Я
так прошусь на небо затем, что там
не приносят матери сыновьям
скорбь в соцветиях;
ни целованных, ни разбитых лбов –
лишь покой садов и Его любовь
в каждой ветви их.

